

— Ну-ка, послушайте, я скажу пару слов! — Хань Чжоу вскочил на пластиковый стул, взял в руки мегафон и обратился к студентам, собравшимся на обед. — В ясные дни мы будем обедать здесь, так что запоминайте дорогу, чтобы потом не заблудиться.

— Кроме того, после обеда отдохните, а в час дня соберитесь с преподавателями в назначенных местах, и мы начнём пленэр. Когда вы сюда шли, то уже почувствовали, что дорога здесь не из лёгких, так что даже если у вас нет аппетита, постарайтесь поесть побольше. Ведь потом придётся таскать мольберты, палитры и ящики с красками по грунтовым дорогам, и я не хочу слышать, что кто-то устал и не может идти, потому что не наелся.

Он добавил ещё несколько замечаний и разрешил всем приступить к еде. Для некоторых блюда, приготовленные в деревенской печи на чугунной сковороде, были невероятно вкусными, но для других это было далеко не так.

Спустившись со стула, Хань Чжоу тихо сказал Цзинь Шуаню:

— Не знаю, понравится ли тебе еда, но я привёз те самогреющиеся обеды и маленькие сковородки, которые мы купили в тот день. Если не наешься, потом сможешь перекусить.

Студенты приехали сюда учиться, преподаватели — работать, и им приходилось мириться с трудностями. Но Цзинь Шуань был здесь только ради Хань Чжоу, и ему, человеку, который не обязан был терпеть такие неудобства, следовало уделять больше внимания.

Цзинь Шуань положил в свою тарелку кусочек курицы и покачал головой:

— Всё в порядке, я не избалован.

Хань Чжоу улыбнулся и кивнул.

Перед ними протекала река, её прозрачные воды быстро неслись вниз. На берегу росли деревья — ивы с длинными зелёными ветвями и гибкими стволами, а также акации с белыми цветами, от которых время от времени доносился лёгкий аромат.

Хань Чжоу слышал звон посуды, смех и разговоры, а также крики петухов и лай собак, доносящиеся из соседних дворов. Но его глаза были прикованы к прекрасному профилю Цзинь Шуаня, который выделялся на фоне зелёных гор и белых облаков.

Вдруг у Хань Чжоу на мгновение сжалось сердце. Он подумал, что хотел бы провести всю свою жизнь именно так: каждую весну выезжать на пленэр, а если не получится, то находить время для совместных путешествий. А когда они состарятся и не смогут ходить, будут лежать под одеялом и рассказывать друг другу истории из своей молодости, прожив спокойную и счастливую жизнь.

Он не знал, когда начал испытывать эти чувства, но с этого момента Хань Чжоу больше не мог представить свою жизнь без Цзинь Шуаня. Он опустил руку и, скрываясь за круглым столом, слегка потянул за край его одежды.

— Что случилось? — тихо спросил Цзинь Шуань.

Хань Чжоу покачал головой и прошептал так, чтобы слышал только он:

— Соскучился по тебе.

Местом для пленэра во второй половине дня также стал берег реки, но здесь было гораздо просторнее, чем у дома старосты.

Природа наполнена красками, звуками, запахами и жизнью. Сидя на пленэре, художник может обострить свои чувства, пробудить воображение и оживить нервные окончания, оцепеневшие от бетона и стали. Это прекрасная возможность развить чувство цвета, и такие впечатления невозможно получить в классе, где стоят лишь натюрморты. Поэтому каждому абитуриенту творческого экзамена необходимо пройти подобную практику перед экзаменами.

Студенты рассредоточились по обоим берегам реки, сидя в разных направлениях, а преподаватели в основном занимались демонстрацией техники. Хань Чжоу, надев резиновые сапоги, ходил вдоль реки, перемещаясь с одного берега на другой.

Цзинь Шуань тоже рисовал. Лу Е поставил для него небольшой мольберт, ведь раз уж он приехал, то было бы странно ничего не делать.

Цзинь Шуань работал акварелью, используя тонкие и прозрачные мазки, оставляя много пустого пространства, что было похоже на традиционную китайскую живопись. Он изображал сад, который находился неподалёку, и его движения были быстрыми и уверенными. Картина получилась чистой и насыщенной, что вполне соответствовало его характеру. Его мастерство было настолько высоким, что вскоре вокруг него собралось несколько студентов, наблюдающих за его работой.

Хань Чжоу, закончив объяснения на другом берегу, перешёл реку вброд, и большая часть студентов, стоявших рядом с Цзинь Шуанем, сразу же разошлась.

Они не афишировали свои отношения и старались быть осторожными, но чувства невозможно скрыть. Тёплый взгляд, когда их глаза встречались, нежные интонации в голосе, произвольные попытки найти друг друга — всё это, что было незаметно в студии, стало очевидным на открытом воздухе.

Среди студентов уже ходили слухи, и теперь они обсуждали это ещё активнее. Вечером, когда все легли спать, один любопытный парень специально пришёл во двор Хань Чжоу, чтобы проверить, живут ли они в одной комнате.

Однако его ожидания не оправдались: Хань Чжоу жил в восточной комнате дома старосты, где вместе с ним находились ещё трое — Цзинь Шуань, Лу Е и Сяо Ван.

Хань Чжоу часто ночевал вместе с преподавателями студии, но сегодня рядом с ним был не просто коллега, а его возлюбленный, и это было совсем другое ощущение. Ночь опустилась, время от времени снаружи доносились тихие звуки животных, и двое на краю кровати уже крепко спали. Хань Чжоу взял телефон и беззвучно отправил сообщение в WeChat.

Телефон Цзинь Шуаня, лежащий на подоконнике у его ног, загорелся. Он повернулся и увидел, что Хань Чжоу что-то пишет.

Он поднял телефон и увидел сообщение от Хань Чжоу: [Соскучился по тебе].

Цзинь Шуань улыбнулся и ответил: [Где скучаешь? Как скучаешь?]

Хань Чжоу: [Везде. Просто не нахожу себе места].

Цзинь Шуань: [Хочешь обняться?]

Хань Чжоу: [Давай просто подержимся за руки].

Цзинь Шуань выключил телефон, положил его рядом и протянул руку под одеяло к Хань Чжоу, осторожно взяв его за руку.

Их пальцы сплелись под одеялом, создавая необычное ощущение тепла. Цзинь Шуань повернулся и тихо спросил:

— Не спится?

Хань Чжоу зевнул, положил телефон рядом и прошептал ему на ухо:

— Кровать слишком горячая, да ещё и неудобная. Тебе тоже не спится?

Они остановились в доме старосты, и сегодня днём на плите готовили еду для студентов, так что кровать была просто раскалённой.

— Мне нормально, — Цзинь Шуань повернулся к нему лицом и нежно погладил его руку. — Что будем делать, если не спится?

Хань Чжоу повернулся. Занавески в доме старосты были тонкими и короткими, почти не защищая от света. При лунном свете он увидел, что Лу и Сяо Ван действительно крепко спали, и тоже повернулся лицом к Цзинь Шуаню:

— Давай сложим наши матрасы вместе и повернём их поперёк.

У каждого из четверых были свои матрас и одеяло. Матрасы были длинными и узкими, сшитыми из хлопка, и если сложить их вместе, они становились мягче и меньше нагревались. Но если повернуть их поперёк, то двое могли уместиться только наполовину, и голова или ноги оставались без поддержки.

— Тогда посередине будет выступ, и будет ещё неудобнее. А та часть, где нет матраса, станет ещё горячее, — Цзинь Шуань задумался. — Может, просто сложим матрасы вместе, не поворачивая их, и ляжем под одним одеялом. А утром я встану пораньше и вернусь к себе.

— Давай так, — Хань Чжоу тихо усмехнулся, в душе внезапно почувствовав возбуждение.

Они осторожно перемещали матрасы, стараясь не шуметь, и легли под одно одеяло. В тот момент, когда их тела соприкоснулись, сердце Хань Чжоу готово было выпрыгнуть из груди.

Это была не просто любовь, это было настоящее приключение!

Хань Чжоу уткнулся лицом в шею Цзинь Шуаня и беззвучно смеялся. Матрас был слишком узким, и они не могли лежать на спине, но если они продолжали обниматься, их лица оказывались слишком близко, и при малейшем движении их губы встречались.

— Кажется, я теперь точно не усну, — Хань Чжоу поднял голову, его нос коснулся носа Цзинь Шуаня.

Они оба были в футболках, и он провёл рукой по его плечу, чувствуя, как его мысли начинают блуждать.

— Ты кажешься ещё горячее, чем кровать.

— Не шевелись, — Цзинь Шуань тоже улыбнулся и зажал ногу Хань Чжоу, которая уже начала вести себя слишком вызывающе.

— Может, всё-таки вернём всё как было? — Хань Чжоу глубоко вздохнул.

Если раньше ему было просто жарко, то теперь всё его тело словно горело.

— Если мы продолжим так обниматься, я точно не усну до утра.

Цзинь Шуань обнял его за спину, его рука ощутила влагу на футболке Хань Чжоу. Он провёл рукой под футболкой и вытер ему спину, сказав:

— Ты спи здесь, а я вернусь к себе.

Он вынул руку и похлопал Хань Чжоу по руке, давая понять, что нужно убрать руки и ноги.

Хань Чжоу не отпустил его, немного пошевелился и сказал:

— Нет, давай просто вернём всё как было, иначе ты не уснёшь.

Он приблизился.

— Давай поцелуемся перед тем, как разойтись.

— Хорошо.

Их объятия были горячими, и только кончики их языков были слегка прохладными. Хань Чжоу весь дрожал, закрыв глаза и чувствуя горячее дыхание Цзинь Шуаня. Его тело было невероятно возбуждено.

Они обнимались так плотно, что между ними не оставалось ни малейшего зазора, словно пытаясь слиться воедино.

Долгий и влажный поцелуй был прерван внезапным возгласом:

— Вот черт!

<http://bllate.org/book/15564/1415565>